

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: О ДИСКУССИИ МЕЖДУ Б.Н. ЧИЧЕРИНЫМ И В.С. СОЛОВЬЕВЫМ

И.А. КАЦАПОВА

На современном уровне развития проблемы взаимоотношения и взаимопонимания между людьми *дискурс* становится неотъемлемой частью любого рационального сотрудничества в силу того, что аргументированный диалог воспроизводит ситуацию, в которой участники диалога с необходимостью стремятся доказать и обосновать свою точку зрения. В современной риторике в условиях «различия отдельных индивидуальностей, их среды и жизненного опыта», порождающих «различные формы мировоззрений», вступающих «в борьбу между собой за власть над душой»¹, множественности картин мира, эристике² соответствует полемический диалог, когда главным выразительным средством дискурса является установка на поиск компромисса, когда, как считал К. Поппер, «общий язык разума следует использовать, так сказать, без шифров, использовать, прежде всего, как средство рациональной коммуникации»³. Поэтому именно дискуссию, которая предполагает взаимопонимание и сотрудничество, сегодня относят к наиболее сильным в познавательном отношении формам диалога. В ней четко фиксируются возможные точки зрения по крупным актуальным проблемам, предпринимаются попытки выработать решение и достичь согласия⁴. В социальной практике имеет широкое распространение и диалог в форме спора или полемики, однако в данном дискурсе происходит столкновение мнений, позиций, когда каждый участник, в стремлении к победе своей точки зрения, редко нацелен на выработку общей позиции.

1. Историческое значение полемики Б. Чичерина и В. Соловьева

В контексте современной социокультурной или даже общественно-политической ситуации каждый мировоззренческий дискурс может оказаться востребованным, и не в меньшей степени те, которые были сформулированы в прошлом, которые по содержанию и глубине затронутых в них проблем являются современными.

Примером тому может быть полемика, развернувшаяся на исходе XIX столетия между двумя величайшими русскими философами права *Борисом Николаевичем Чичериным* (1828 – 1904) и *Владимиром Сергеевичем Соловьевым* (1853 – 1900). Эта дискуссия в истории русской мысли оценивается как грандиозное событие, как самый масштабный и интересный из всех философско-правовых споров. Следует отметить, что и сегодня проблематика этой полемики вызывает теоретический интерес

и, самое главное, представляется актуальной для научной мысли. В позитивном построении своих научных систем классики отечественной философии права Б. Чичерин и В. Соловьев, идя каждый своим путем, в творчестве между тем избрали общее идеалистическое направление. В общем плане они отразили возникшие противоречия предшествующего развития новоевропейской политико-правовой мысли, развивая «на русской почве» основные идеи классического юстнатурализма. Исторически их труды оцениваются как «два кульминационных пункта в развитии русской идеалистической философии права»⁵.

Эта полемика не только имела историческое значение, но и во многом предопределила круг творческого восприятия философско-правовых проблем. В частности, В. Соловьев, предложивший доктрину «оправдание добра», практически задал интенцию этической направленности в философской и юридической мысли России конца XIX — начала XX столетия. И что важно — именно влияние его идей обусловило эволюцию взглядов теоретиков права в направлении истолкования естественно-правовой идеи в духе традиционных христианских ценностей. По сути, именно философско-правовая концепция В. Соловьева вывела полемику за узкие рамки спора с Чичериным по поводу профессиональной или не профессиональной компетенции В. Соловьева и стала основанием активной полемики большей части профессионалов — юристов, философов, социальных философов вокруг философско-правовых проблем. В нее активно включились как сторонники так называемого позитивистского направления в юридической науке (Г. Шершеневич, Н. Коркунов, С. Муромцев, М. Ковалевский), так и теоретики так называемой московской школы естественного права во главе с П. Новгородцевым (Е. Трубецкой, Н. Алексеев, И. Ильин, А. Яценко, Б. Вышеславцев), которые не только приняли активное участие в дискуссиях, но и параллельно развивали в своих работах теорию возрожденного естественного права⁶.

Надо отметить, что в обширной юридической и философской литературе в большей мере освещается содержательный аспект дискуссии, в основном обсуждаются и анализируются философско-правовые концепции В. Соловьева и Б. Чичерина на проблему соотношения в них права и нравственности, границ индивидуальной свободы и равенства. Однако не менее важная проблема мировоззренческой и методологической несовместимости их позиций практически остается без внимания.

2. Б. Чичерин и В. Соловьев:

их мировоззренческие установки и методологические подходы

Все 90-е годы В. Соловьев жил самой напряженной в интеллектуальном плане жизнью: неизменно откликался на все большее

и малое, что совершалось тогда в русской философии. К этому периоду относится полемика В. Соловьева с В. Розановым, с Л. Лопатиным, его расхождения с Л. Толстым, острая полемика вокруг А. Пушкина. Но отдельным планом на этом фоне, конечно, выступает полемика Соловьева с Чичериным. Однако чтобы понять сущность последней необходимо по возможности точнее представить себе мировоззренческие установки и методологические подходы участников дискуссии.

В истории философско-правовой мысли Чичерин считается патриархом отечественной государственной науки и одним из создателей «государственной школы» русской историографии. В многообразном творчестве Чичерина можно не только отметить его интерес к истории или политике, но и обратить внимание на его общеполитические и философско-правовые воззрения. Согласно общепринятому мнению, Чичерин находился под заметным влиянием идей Г.В.Ф. Гегеля, но единственное, в чем Чичерин несомненно был верен Гегелю и решительно следовал за ним, так это в его учении о диалектике. Во всем же остальном патриарх отечественной государственности оставался верен лишь себе, причем настолько, что основательно переделывал все по-своему. Современники Чичерина (П. Струве, Е. Трубецкой, Н. Бердяев, В. Зеньковский и многие другие) признавали незаурядный ум, огромную эрудицию, научные заслуги Чичерина, но отмечали также и его полемический талант. Чичерин не только обладал острым умом, но и «создавал свою собственную и часто весьма оригинальную логику. Достаточно указать на то, что он даже осмелился расчленивать гегелевскую триаду, и не без основания. Его основная философская позиция создала для него ряд крупных преимуществ в сравнении с другими»⁷. Справедливости ради надо отметить, что Чичерину не чужды были и философские принципы кантовской теории: принципы априоризма, автономных «начал» и индивидуализма.

Таким образом, обобщая характеристики Чичерина, можно в общих чертах представить его образ: правовед, профессор права, воспитанный на философии Гегеля, демонстрировавший педантизм и консерватизм в мысли и в общении, твердо верящий в разумное⁸. И понятно, что он отчетливо представлял себе, что «только один чистый, абстрактный рационализм» был и навсегда останется «единственной и подлинной основой знания и жизни»⁹.

Совершенно другое – творчество и личность В. Соловьева. Теоретическое богатство его философского наследия, несомненно: его творчество особым образом вписывается в контекст русской идеалистической философии XIX в. и вполне закономерно представляет собой ее своеобразный синтез. Многие исследователи,

пытаясь обобщить творчество В. Соловьева, стремятся причислить его к той или иной школе или направлению. К примеру, считают его в высшей степени оригинальным *мистиком*, или религиозным философом. Однако относительно историко-философской ориентации В. Соловьева следует заметить: причисление мыслителя к какой-либо конкретной школе представляется не совсем правильным, правильнее было бы сказать, что В. Соловьев, выйдя из среды «славянофильских романтиков» (Хомяков, Иван и Петр Киреевские, Константин Аксаков, Самарин), перешел границы этого направления, и в своем творчестве стал «поборником объективности социального целого».

Немаловажно и то, что В. Соловьев был совершенно самостоятельным мыслителем, и создал своеобразную и оригинальную философскую систему, которую трудно воспринимать как системное единство в традиционно-классическом представлении. Но вместе с тем, совершенно определенно можно говорить о том, что основным методологическим принципом его новой, «подвижной», философской системы являются принципы собирательной, синтезирующей, систематизирующей идеи. Самобытность творчества В. Соловьева заложена в его исходной позиции, которую сам философ обозначил «как “Богочеловечество”, как “конкретный”, открытый миру идеализм на религиозной христианской основе»¹⁰. Русский мыслитель связывал философское творчество с позитивным разрешением жизненного вопроса, понимая его как реализацию христианского идеала. В русле христианского вероучения В. Соловьев развивал историософскую теорию «богочеловеческого процесса» как совокупного спасения человечества, сочетая ее с мечтами об избавлении материального мира от разрушительного действия времени и пространства в «*нетленном*» *космосе красоты*.

Понятно, что столь различные в своих жизненных принципах и в теоретических приоритетах мыслители вряд ли могли прийти к полному соглашению, несмотря на то, что оба они чрезвычайно высоко оценивали профессиональную компетентность друг друга. Например, В. Соловьев не боялся признаться в том, что перед Чичериным-правоведом он чувствует себя «волонтером и дилетантом». Со своей стороны, Чичерин неоднократно высказывал свое восхищение творческими способностями В. Соловьева. Достаточно привести всего лишь одно высказывание Чичерина в адрес В. Соловьева: «...самый возвышенный строй мысли в соединении с глубоким и искренним нравственным чувством, умение ставить и обнимать философские вопросы во всей их широте, обширные и разнообразные сведения, наконец, блестящий талант изложения делают его одним из самых выдающихся представителей совре-

менного поколения русских философов, достигших уже полной зрелости»¹¹.

3. Два философа права — две философии права

Любопытно то, что интересы Чичерина и Соловьева пересеклись не на философской ниве, а именно на почве философии права, где практически и проявились их мировоззренческие и методологические разногласия в принципах и приоритетах. Надо заметить, что в своих оценках и выводах Чичерин никогда не упускал возможности подчеркнуть юридическую некомпетентность Соловьева, а последний был весьма далек от того, чтобы в юридических вопросах профессионально конкурировать с Чичериным. Следует сразу сказать относительно философско-правовых взглядов Соловьева: они находятся в иной плоскости, чем юридически оформленное мировоззрение Чичерина. Само собой разумеется, для В. Соловьева был особенно неприемлем юридический схематизм Чичерина. Соловьев считал юриспруденцию наукой, в которой абстрактный схематизм дозволен, и в известной мере даже необходим, но подчеркивал, что его никак «нельзя распространять на всю философию и этику как одну из философских дисциплин»¹². Он и философию права представлял как одну из «философских дисциплин, примыкающих к этике или нравственной философии (в прикладной ее части)»¹³. Поэтому в его философской системе «учение о праве» практически не существует само по себе, «вне связи с его общими этическими взглядами»¹⁴.

Согласно Соловьеву, стремление ограничиться только *формальным* пониманием права приводит к утрате его действительного содержания. Право не может трактоваться как абсолютное начало, вполне независимое от нравственности. Основным стремлением философа в этой связи было желание найти то общее, что связывало бы право и нравственность¹⁵. Чичерин, напротив, пытался доказать *разнонаправленность* понятий нравственности и права. Но протест Чичерина против отождествления права и нравственности не следует обобщать с позитивистским подходом к праву, согласно которому, право выражает только известное соотношение сил и интересов. Чичерин твердо придерживался концепции, что кроме нравственного закона существуют другие законы и нравственность *должна* с ними соотнобразовываться¹⁶. По Чичерину, государство развивается по своим собственным законам и представляет собой внешнюю сторону исторической жизни, тогда как нравственные вопросы являются внутренней стороной человеческой жизни.

На самом деле Чичерину был близок Кант, который рассматривал право и нравственность как два разных типа этики: «этику справедливости» и «этику добродетели». Подобно молодому Соловьеву,

Чичерин по сути солидаризировался с этой концепцией, заменив слово «добродетель» словом «любовь». Различие между правом и нравственностью определялось им как качественная разница между законом правды (т.е. юридической справедливости) и законом любви. Закон правды требует воздавать каждому свое, тогда как закон любви предписывает человеку жертвовать собой во имя ближнего. В отличие от закона правды, закон любви не может быть принудительным: «Примером того, до чего может довести забвение этого, — писал Чичерин, — является коммунизм — идеология принудительного братства, противоречащая достоинству человека и приводящая к его полному порабощению»¹⁷.

Настаивая на разграничении права и нравственности, Чичерин принципиально противостоял Соловьеву в этом вопросе и потому, что был правоведом, профессиональным юристом, и потому, что, будучи классическим либералом, прежде всего отстаивал автономию личности, принципиально критикуя соборное всеединство этической концепции Соловьева. Свободная человеческая личность, *независимая* от общественного целого, является исходным пунктом философии права Чичерина: во-первых, потому что она автономна, во-вторых, потому что только свободная личность способна и может пользоваться правом¹⁸. Право в концепции Чичерина является «первым и руководящим принципом человеческой жизни»¹⁹ как условие свободы. Чичеринский персонализм опирается на идеал неприкосновенности личности, из которого функционально проистекают и гражданское общество, и право, и мораль.

Но между тем, Чичерин, так же, как и Соловьев, был сторонником философских принципов в познании сущности права. Поэтому в вопросах определения природы права, соотношения права и нравственности их философско-правовые концепции объединяет общая антипозитивистская и антиисторицистская направленность. В частности, развивая в своей философии права последовательную критику современных ему позитивистских правовых теорий, отрицающих метафизику в познании, Чичерин подчеркивал, что все политические теории, не основывающиеся на философских принципах, являются несостоятельными, так как искажают истинную сущность права.

Собственно, Соловьев также признавал автономную ценность права и, соответственно, проводил черту, отделяющую право от нравственности, считая, что связь между правом и нравственностью особенно очевидна при их различении. В «Критике отвлеченных начал» (1880) он использовал для этого формулу А. Шопенгауэра: *Neminem laede, sed omnes, quantum potes, inva* («Никому не вреди, но всем, насколько можешь, помогай»). Первая часть формулы опреде-

ляла область права, т.е. область негативно понятой справедливости (*justitia*), обеспечивающей личную свободу и формальное равенство; вторая — относилась к нравственности, т.е. к области положительных, но добровольно исполняемых обязанностей, регулируемых христианским идеалом любви (*caritas*). Такое определение задач права сводило к минимуму сферу правового регулирования и, таким образом, согласовывалось с доктриной классического либерализма. Сам В. Соловьев не думал ограничиваться заботой лишь о «негативной справедливости», напротив, идеал «свободной теократии» заставлял его стремиться к воплощению в земных формах положительного Добра. Противоречие это привело его к существенному пересмотру взглядов на нравственность и право и по существу к определению права, как принудительного требования определенного минимума нравственности. В этой концепции, предложенной им в «Оправдании добра», фигурировали следующие положения: во-первых, требования права строго ограничены, тогда как чисто нравственные требования (например, любовь к врагам) являются, по существу, неограниченными и всеобъемлющими; во-вторых, хотя требования права минимальны по сравнению с требованиями нравственности, они ориентируют на обязательную реализацию минимального добра в общественной жизни; в-третьих, нравственность полагает добровольное исполнение своих требований, тогда как право допускает принуждение и даже требует его. Положение о принудительной реализации определенного минимума добра было выдвинуто В. Соловьевым в противовес «нравственному субъективизму» Л. Толстого, отстаивавшего идею морального совершенствования личности при полном отрицании других форм реализации добра.

В действительности такая теоретическая позиция Соловьева означала разрыв с классическим либерализмом, который сводил роль права лишь к определению границ индивидуальной свободы. Согласно Соловьеву, требуемый правом минимум добра включает в себя требование обеспечения всем людям «достойного человеческого существования», чтобы всякий человек имел право не только на обеспечение средств существования и достаточный физический отдых, но также мог пользоваться досугом для своего духовного совершенствования. Разумеется, выполнение указанных требований предполагало разные ограничения индивидуальной свободы. Другие представители русской либеральной мысли (П. Новгородцев, Б. Кистяковский, И. Гессен) принимали идею «права на достойное человеческое существование» иначе, они пытались обосновать ее в большем согласии с общим ходом либеральной системы ценностей, и шли в этом направлении совершенно сознательно, поддерживая связь с предшественниками и дорожа ею.

Показательна идеологическая позиция Чичерина — консервативно-го либерала. В отличие от либеральных идей Соловьева, чичеринский либерализм отличался этатизмом и прагматизмом, а также апологией государственной дисциплины и порядка. В своем мировоззрении Чичерин своеобразно сочетал идеи либерализма и консерватизма, его либерально-индивидуалистическая позиция сводилась к идее обоснования необходимости реформирования института российского самодержавия и возможности продвижения к гражданскому обществу при неперменном наличии наследственной конституционной монархии. Он развивал идеи охранительного либерализма, лозунгом которого был тезис: «либеральные меры и сильная власть», и был твердо уверен, что реализовать его идеалы можно только в рамках правового государства, отстаивающего либеральные ценности и защиту прав человека под эгидой конституционной монархии.

4. Критическая позиция Б. Чичерина по отношению к В. Соловьеву

Б. Чичерин никогда не оставался безучастным ни к одной из предложенных В. Соловьевым философско-правовых версий. Первым серьезным погружением Чичерина в мир соловьевских идей была его книга «Мистицизм в науке» (1880), которую автор полностью посвятил разбору докторской диссертации Соловьева «Критика отвлеченных начал»²⁰. Предприняв глубокий и содержательный анализ основных положений диссертации Соловьева Чичерин, не сдерживая своих эмоций, высоко оценил заслуги диссертанта. Сам, будучи противником позитивизма, он выразил признательность В. Соловьеву «за его попытку оставаться на почве философии, создавать философскую систему и мыслить чисто философскими понятиями вопреки отсутствию всех такого рода методов в тогдашнем позитивизме»²¹. По стечению обстоятельств, именно эта книга Б. Чичерина положила начало масштабной полемике двух выдающихся философов права.

Конечно, особую интенсивность дискуссия приобрела после выхода книги Соловьева «Оправдание добра. Нравственная философия» (1897), ставшей главным событием интеллектуальной жизни России. Чичерин по поводу этой книги достаточно резко высказался в статье-рецензии «О началах этики» опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии» (1897, № 4). Всегда спокойный Соловьев был чрезвычайно взволнован этой критикой и тотчас же написал на нее ответ — статью «Мнимая критика» (ответ Б.Н. Чичерину) в том же номере.

Совершенно ясно, договориться этим крупным мыслителям было невозможно. Правда, Чичерин все-таки пытался защищать

свою позицию в новой статье «Несколько слов по поводу ответа г. Соловьева», но Соловьев сразу ответил Чичерину статьей «Необходимые замечания на “Несколько слов” Б.Н. Чичерина». Тон обеих статей умеренный и мягкий. Но рассчитывать на то, что авторы придут к согласию на уровне оснований, конечно, не приходилось. Кроме того, относительно критики Чичерина можно сказать следующее: не вполне продуктивно было критиковать «Оправдание добра» с юридической точки зрения. Во-первых, хотя бы потому, что Соловьев никогда не претендовал ни на какую позицию в сфере юриспруденции. Вл. Соловьев, «несмотря на все свои разнообразные интересы, — как совершенно справедливо утверждал А. Лосев, — всегда был и оставался профессиональным философом и мыслил всегда в систематически продуманных категориях»²². Во-вторых, во всех вопросах нравственности и общественного поведения профессору юридических наук, конечно, ничего не стоило на каждом шагу упрекать Соловьева за незнание или неиспользование отчетливо выраженных юридических формул.

Парадоксально и то, что именно в нравственной концепции В. Соловьева можно найти ответы на многие поставленные Чичериным вопросы. Программное значение книги, и это важно отметить, заключается в том, что нравственная философия здесь является наукой *не о морали как таковой*, а наукой *о добре*. Соловьев стремился показать добро «как правду, то есть как единственный правый, верный себе путь жизни во всем и до конца — для всех, кто решится предпочесть его», т.е. «добро по существу»²³. Возможно, именно это и вызывало бурные возражения Чичерина, считавшего, что «без теоретических оснований, взывая к человеческим чувствам, можно, более или менее удачно, держать нравственную проповедь, читать людям наставления, но нельзя построить философского учения, ибо невозможно философствовать без философии. Нравственные требования не суть реальные факты, которые устанавливаются опытным путем: это — явления метафизического свойства, вытекающие из метафизических основ человеческого естества и совершенно без этого непонятные. Как же объяснить их, не прибегая к метафизике?»²⁴.

Однако в концепции В. Соловьева добро «само по себе» «ничем не обусловлено», но «все собою обуславливает и через все осуществляется»²⁵, т.е. философ акцентировал внимание на практически ориентирующей силе добра, на вопросе «о должном содержании или смысле нашей жизни»²⁶. Проблемы, затронутые и рассмотренные в книге «Оправдание добра», по сути сориентированы на возможность именно в социальной реальности оправдать добро «как таковое», определить для человека тот жизненный смысл, который бы не про-

сто способствовал *безмятежному* его существованию с совершенно приземленными потребностями — жить, есть и пить, но позволял раскрыть перед человеком *жизнеутверждающие* ценности *качества* его бытия. Согласно Соловьеву, жизненная задача человека «первоначально и окончательно определяется не просто самим добром»²⁷, а его внутренним свойством. Рассмотрение «добра» в его непосредственной связи со смыслом жизни как собственного предмета нравственной философии является исключительно важной и продуктивной *особенностью* нравственной философии Соловьева.

Понятно, что Б. Чичерин, в отличие от В. Соловьева, не стремился к созданию философско-нравственной концепции, тем более не рассматривал ее как смысл жизни. Определенно, его социально-политические амбиции принципиально отличались от нравственно-философской позиции Соловьева. По существу главным желанием Чичерина было дать определенное понимание действительности через призму юридически, а не этически закреплённых личных прав и свобод лица и, соответственно, защиты от любых на них посягательств. Принципиальная критика Чичериным этики Соловьева сводилась к критике исходного примата в ней целого над частью, соборного всеединства над индивидуальной свободой, которые, как считал он, могут утвердить и особые формы деспотизма, подобные социализму. Будучи классическим либералом, Чичерин естественно отстаивал принцип автономности в этике, утверждая, что индивидуализм является «краеугольным камнем всякого истинно человеческого здания»²⁸.

Примат рационализма в мышлении Чичерина был «настолько силен, что понимать синтетически настроенного В. Соловьева ему было довольно трудно»²⁹. Чичеринское понимание «строгого знания» не совпадало с «живым знанием» В. Соловьева (А. Хомяков). Между тем, часто непримиримая позиция Чичерина в полемике уходит на задний план, после вполне вразумительных и адекватных разъяснений Соловьева, данных в ответ на его возражения. Например, когда Чичерин настаивает на том, что разница между нравственностью и правом является не количественной, а качественной, Соловьев, отвечая и Чичерину, и Шершеневичу, показывает, что «минимум» в контексте его рассуждений есть не более чем «*количественная метафора*». Ведь окончательная формула права у Соловьева звучит так: «Право есть исторически подвижное определение принудительного равновесия между двумя нравственными интересами: формально нравственным интересом личной свободы и материально нравственным интересом общего блага»³⁰. Философ понимает необходимость принудительного добра как «окраину добра», относя его исключительно в правовую сферу. Право «в объек-

тивном отношении к нравственности» есть «принудительное требование реализации определенного минимального добра, или такого порядка, который не допускает известных крайних проявлений зла»³¹. В. Соловьев объясняет на чем, собственно, основано данное принудительное требование и «совместим ли этот принудительный порядок с порядком чисто нравственным»³². Если допустить, что «совершенное добро утверждается в сознании как безусловный идеал, то не следует ли предоставить каждому свободно реализовать его в меру своих возможностей? Зачем возводить в закон принудительный минимум нравственности, когда совесть требует свободно исполнять максимум добра? Зачем с угрозой объявлять: не убей, когда следует кротко внушать: не гневайся?»³³. Можно заметить, что в данных рассуждениях философа право рассматривается практически в том же ключе, что и в концепции Чичерина.

В рассматриваемой дискуссии проявились различия не только в толковании предмета философии, но и в определении возможностей и границ философского знания. В данном теоретическом дискурсе, и это важнее всего, по существу столкнулись две методологии: методология философии «как строгой науки», опирающейся на логику как основание метафизики духа и бытия, и, собственно, формирующийся *метод неклассической философии*, основанный на *религиозно-экзистенциальном* стиле мышления³⁴.

Справедливые выводы делает в своем кратком очерке по проблемам либеральной правовой мысли в России А. Валицкий, когда замечает, что «Чичерин критиковал Соловьева не за идею правового обеспечения элементарных правил общежития», но «за стремление превратить право в инструмент реализации нравственного идеала, за увлечение идеей земного спасения в Истории». Чичеринская критика Соловьева «была прежде всего критикой *правовых методов* (Курсив мой. — И. К.) реализации в общественной жизни нравственного идеала»³⁵. Главное же в этой полемике то, что итогом спора, считает А. Валицкий, стал «некий синтез их позиций в новой версии русской либеральной мысли: в «социальном либерализме», который отверг соловьевскую утопию государства как «всеобщей организации нравственности» с ее рискованным мессианизмом, но принял идею «права на достойное существование» как условие «честной игры», снимающей фактическое неравенство возможностей социального старта для субъектов правовой свободы. Результатом этого компромисса стали, разработанные в концепциях П. Новгородцева, Б. Кистяковского, С. Гессена теории социального государства.

Обобщая тему дискуссии между двумя выдающимися отечественными философами права Б. Чичериным и В. Соловьевым,

необходимо подчеркнуть, что в теоретическом плане любая форма рационального сотрудничества оправдана поиском тех новых форм и образов, которые возникают в результате диалога, полемики, будь то непосредственное или опосредованное сотрудничество. В данном случае главным оказалось то, что именно этот дискурс при всех серьезных и во многом противоречивых выводах его авторов, создал грандиозное поле для сотрудничества многих не менее выдающихся мыслителей, работающих как в юридическом, так и в философском ключе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология XX века. Антология. – М., 1995. – С. 223.

² В Античности спор ради победы называли эристикой, в отличие от диалектики – поиска знаний и истины (См.: Герасимова И.А. Введение в теорию аргументации. – М.: Логос, 2007. – С. 98).

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. – М., 1992. – С. 37.

⁴ См.: Герасимова И.А. Введение в теорию и практику аргументации. – М., 2007. – С. 98.

⁵ Гурвич Г.Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев // <http://law.edu.ru/magazine/article.asp?magID=5&magnum=4&ma>

⁶ См.: Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М.: 1909 (СПб., 2001); Ильин И.А. Теория права и государства. – М.: 2008; Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6; Яценко А.С. Теория федерализма. – СПб., 1999; Алексеев Н.Н. Основы философии права. – Прага, 1924.

⁷ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М.: Прогресс, 1990. – С. 59.

⁸ Е.Н. Трубецкой называл философию Чичерина «философией абсолютного систематизма» и подчеркивал, что последний «производил впечатление, что для него мировой разум был весь в прошлом» (Трубецкой Е.Н. Борис Николаевич Чичерин как поборник правды в праве // Вестник права. 1904. № 3). Многие отмечали непреклонное отношение Чичерина к современности и стойкость основных его убеждений; он мог «в силу непримиримо отрицательного отношения к современности» все считать в ней «сплошным безумием и бессмыслицей».

⁹ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – С. 539 – 540.

¹⁰ Гурвич Г.Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев.

¹¹ Чичерин Б.Н. О началах этики // Вопросы философии и психологии. 1897. № 4. – С. 223.

¹² Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – С. 538.

¹³ Соловьев В.С. Право и нравственность. – М.; Мн., 2001. – С. 5.

¹⁴ Яценко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права. – СПб., 1999. – С. 20.

¹⁵ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Собр. соч. В 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1988. – С. 446.

- ¹⁶ См.: Чичерин Б.Н. О началах этики. – С. 693.
- ¹⁷ Чичерин Б.Н. Вопросы политики. 2-е изд. – М., 1906. – С. 114.
- ¹⁸ См.: Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – С. 105.
- ¹⁹ Там же. – С. 415 – 416.
- ²⁰ Докторская диссертация В.С. Соловьева, защищенная 6 апреля 1880 г. в Петербургском университете.
- ²¹ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – С. 61.
- ²² Лосев А.Ф. Творческий путь Владимира Соловьева // Владимир Сергеевич Соловьев. Соч. В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 14.
- ²³ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. – С. 98.
- ²⁴ Чичерин Б.Н. О началах этики. – С. 588.
- ²⁵ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. – С. 96.
- ²⁶ Там же. – С. 98.
- ²⁷ Там же. – С. 96.
- ²⁸ Чичерин Б.Н. Философия права. – С. 65 – 66.
- ²⁹ Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – С. 538.
- ³⁰ Соловьев В.С. Право и нравственность. – С. 40.
- ³¹ Там же. – С. 35.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ В Европе, в рассматриваемый период, шло становление неклассической философии: А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше.
- ³⁵ Валицкий А. Нравственность и право в теориях русского либерализма конца XIX – начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8. – С. 34.

Аннотация

В статье рассматривается проблема современного восприятия исторического дискурса на примере состоявшейся в конце XIX столетия дискуссии по проблемам философии права между двумя выдающимися отечественными мыслителями Б.Н. Чичериным и В.С. Соловьевым. Акцентируется внимание не на содержательном аспекте дискуссии, а на ее методологических и мировоззренческих аспектах.

Ключевые слова: дискурс, диалог, дискуссия, коммуникация, когнитивность, сотрудничество, философия права, мораль, право, добро.

Summary

The article considers the problem of modern perception of historical discourse on the example of the discussion on legal philosophy problems between two outstanding Russian thinkers, B.N. Chicherin and V.S. Solovyev, which took place in the end of the 19th century. The article focuses on its methodological and philosophical aspects.

Keywords: discourse, dialogue, discussion, communication, cognition, cooperation, philosophy of law, morality, law, good.